

Лейб-Драгуны дома и на войне

Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л33

Л33 Лейб-Драгуны дома и на войне: Выпуск 1 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 143 с.

ISBN 978-5-517-88764-1

Воспоминания офицеров лейб-гвардии Драгунского полка, непосредственно участвовавших в боях Первой Мировой и гражданской войн. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1928 года

ISBN 978-5-517-88764-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЖИВОЙ ПАМЯТНИКЪ

1814.

Когда нашъ Царь Благословенный,
Рукою мощной укротилъ
Поработителя вселенной,
И міру вольность возвратилъ, —
Въ землѣ французскаго народа,
Онъ, русской славѣ боевой,
Войны двѣнадцатаго года
Воздвигнулъ Памятникъ Живой.
Во исполненье словъ Державныхъ,
Стеклись тогда изъ всѣхъ полковъ
Въ Версаль славнѣйшіе изъ славныхъ
Россійской конницы орловъ.
И блескъ Георгіевскихъ крестовъ,
Изъ саблей, пикъ и касокъ мѣдныхъ,
Подъ звуки маршей ихъ побѣдныхъ,
Наполнилъ станъ былыхъ враговъ.
Трубятъ. На площадь выѣзжаетъ,
Блестящей свитой окружень,
Посланецъ Царскій. Онъ вѣщаетъ,

Что нынѣ новый полкъ рождень
Изъ сихъ героевъ. Въ назиданье
Потомству... въ ознаменованье
Побѣдъ надъ дерзостнымъ врагомъ,
Да не забудетъ полкъ о томъ,
Что онъ для русскаго народа
Великой страды боевой,
Войны двѣнадцатаго года,
Навѣки памятникъ живой.
Такъ созданъ былъ въ землѣ французской,
У замка гальскихъ королей,
Живой свидѣтель славы русской,
Полкъ новый, Конно-Егерей.
Святыня новаго штандарта
Передана имъ съ торжествомъ,
И девятнадцатое марта,
Отнынѣ сдѣлалось ихъ днемъ.

1914.

Прошло сто лѣтъ. За это время,
Не разъ, войны тяжелой, бремя,
На долю выпадало намъ...
Навстрѣчу яростнымъ врагамъ
Не разъ носились Лейбъ-Драгуны,
(Былые Конно-Егеря),
За Вѣру, Родину, Царя,
На мало крови ихъ пролито ,
На полѣ брани не одинъ
Погибъ. Понинѣ не забыты
Дѣла, какъ Врацы, Новачинъ...

.....
Ихъ юбилей столѣтній встрѣченъ

Блестящимъ, свѣтлымъ торжествомъ,
Вождемъ Державнымъ онъ отмѣченъ
Особой милостью: на немъ
Въ день девятнадцатаго марта,
Святыня новаго штандарта,
Самимъ Царемъ имъ вручена.
А ровно черезъ годъ она
Огнемъ германскимъ окрестилась,
И славной кровью обагрилась
Того, кто везъ ее въ строю...

.....
И много разъ еще въ бою,
Въ атакахъ имъ бывать случалось...
Бѣжали дни... Порой, казалось,
Что свѣтлый день ужъ настаеть...
Еще немного... и падеть
Жестокій врагъ... Къ брегамъ Невы
Они придуть подъ старый кровъ
Казармъ, въ свой милый Пѣтергофъ;
Такъ имъ казалось... Но увы.
Не то судьба предназначтала:
Година страшная настала,
Когда все то, что было свято,
Въ душѣ россійскаго солдата,
Завѣты всѣ его отцовъ,
Убиты были волей мерзкой,
Рукой кощунственной и дерзкой
Руси таинственныхъ враговъ.
И много доблестныхъ полковъ,
Не устояли предъ грозою,
Сіихъ антихриста время,
И разлетѣлись... распылились...
И братской кровью обагрились
Клочки растерзанныхъ знаменъ...

Но знамя Лейбъ-Драгунъ, вѣдь, цѣло...
Въ томъ единенья ихъ залогъ...
Смотрите-жъ, Лейбъ-Драгуны, смѣло
Впередъ... и вѣрьте: недалекъ
Тотъ часъ, когда васъ призоветъ
Вашъ Вождь начать святое дѣло
Борьбы за Русь. Вѣдь тѣмъ живетъ
Частица каждая живая,
Душа и сила боевая
Полка родного здѣсь... и тамъ...
За Русь святую биться вамъ,
Не мало разъ, еще придется.
Навстрѣчу дерзостнымъ врагамъ
Не разъ, ликуя, понесется
Россійской славы боевой
Безсмертный Памятникъ Живой.

РАЗЪѢЗДЪ ШТ.-РОТМИСТРА ГРИММА

ВЪ ГЕРМАНИИ 28-го ЮЛЯ 1914 г.

28-го іюля 1914 года нашъ полкъ стоялъ около города Ширвинта, на самой границѣ Германіи.

Вечеромъ я получилъ приказаніе командира полка приготовить мой взводъ къ выступленію въ разъѣздъ, а самому немедленно отправиться въ штабъ дивизіи за полученіемъ задачи развѣдки.

Задача состояла въ слѣдующемъ: держа общее направленіе на мѣстечко Willunen, возможно скорѣе дойти до сторожевого охраненія противника, пройти его, дойдя до Шиллингенскаго лѣса, (Schillinger Wald), откуда наблюдать за дорогой Willunen — Eitkunen и выяснить, есть ли пѣхота въ мѣстечкѣ Willunen. Задача развѣдки кончается въ 9 часовъ вечера 29-го іюля. Въ прямомъ направленіи было 23 версты.

У меня во взводѣ былъ подпрапорщикъ Хонтулевъ, взводный унт.-оф. Патрашковъ и 34 драгуна.

Выступили мы въ 7 часовъ вечера, передъ сумерками. Зная, что днемъ впереди нашего сторожевого охраненія ходили наши разѣзды, я съ мѣста пошелъ быстро перемѣннымъ аллюромъ прямо по дорогѣ, имѣя лишь въ головномъ дозорѣ драгунъ Семенова и Ковалевича.

Такъ мы прошли километровъ 12-14, когда прискакалъ Ковалевичъ сообщить, что не доѣзжая хутора, за ручейкомъ, появились два всадника съ пиками и флюгерами.

Приказавъ взводу идти шагомъ, я поскакалъ вмѣстѣ съ Ковалевичемъ къ Семенову, и вотъ, что я увидѣлъ:

Ручеекъ съ обрывистымъ берегомъ; по одну сторону Семеновъ, а по другую 2 нѣмецкихъ улана. Ихъ раздѣляло 3-4 сажени.

Всѣ трое добродушно что то кричали, не понимая другъ друга, и махали пиками.

Была полная картина красносельскихъ маневровъ. . .

Какъ только нѣмцы увидѣли меня, то они повернули лошадей и ускакали.

Увязываться за ними не было никакого смысла.

Я со взводомъ вошелъ въ хуторъ, гдѣ вышли какіе то молодые люди, довольно мирно смотрѣвшіе на насъ. Только мы прошли и повернули на поляну, какъ изъ-за заборовъ началась стрѣльба по насъ. Это стрѣляли тѣ же жители, мирно смотрѣвшіе на насъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ.

Такъ произошло мое первое боевое крещеніе.

Ужасно хотѣлось отомстить; это было бы такъ легко. Я спѣшилъ взводъ, далъ по хутору залпъ, и мы со злостью поѣхали дальше.

Въ это время стемнѣло и ввиду опасности уже пришлось сойти съ дороги.

Какъ бываетъ всегда въ этихъ случаяхъ, да еще ночью, я уже точно не зналъ, гдѣ нахожусь, но зналъ, что направленіе вѣрное.

Такъ мы прошли около 3-4-хъ верстъ. Я часто слѣзалъ съ лошади; выходилъ впередъ и прислушивался. Въ тишинѣ ночи ясно были слышны топотъ и ржаніе лошадей и шумъ повозокъ. Было очевидно, что мы подходимъ къ линіи сторожевого охраненія.

Нужно было быть осторожнымъ. Пройдя на большое вспаханное поле, я слѣшилъ взводъ, приказалъ вынуть мундштуки, чтобы не было шума, и не брякать шашками и пиками, а самъ со взводнымъ унт.-офицеромъ Патрашковымъ пошелъ пѣшкомъ въ сторону противника, оставивъ взводъ подпрапорщику Хонтулеву.

Луна чуть-чуть свѣтила; мы шли по полю скошеннаго овса и, пройдя съ четверть версты, сѣли въ копну и стали слушать. Ясно слышался съ двухъ сторонъ, по линіи, характерный шумъ, свойственный только кавалеріи и намъ, кавалеристамъ, такъ хорошо знакомый.

Только я собрался уходить къ взводу, какъ показалась маленькая огненная точка, а затѣмъ появились двѣ фигуры, шагахъ въ 50-ти. Были ли это военные, или просто мужики, нельзя было видѣть. Они шли, не разговаривая, къ намъ; одинъ курилъ. Какъ только они скрылись, я толкнулъ Патрашкова и мы пошли къ взводу.

Не успѣли вы пройти немного, какъ вдругъ сзади раздался крикъ: «Wer da?». Потомъ «Wer ist da, zum Teufel? !.»

Мы легли. Было страшно за взводъ; мнѣ казалось, что я его слышалъ опредѣленно. Наконецъ, я услышалъ удаляющіеся шаги, и все затихло.

Подойдя къ взводу, я приказалъ садиться по одиночкѣ, безъ шума, и мы тихонько потянулись прямо шагомъ въ ту сторону, откуда только что мы вернулись съ Патрашковымъ.

Такъ мы шли долго; было совсѣмъ темно. Помню, какъ мы подошли къ большой канавѣ, обнесенной проволочнымъ заборомъ, и долгое время не могли найти проѣзда. Наконецъ, нашли мостикъ и благополучно перешли. Опять шли долго. Впереди показалось что-то черное и большое. Это былъ лѣсъ.

Я спѣшилъ съ Патрашковымъ, пошелъ пѣшкомъ впередъ. Все было тихо, лишь тотъ же, указывавшій присутствіе кавалеріи, шумъ былъ уже за нами.

Мы вошли оба въ лѣсъ. Мнѣ было очень жутко. Темнота и неизвѣстность. А вдругъ онъ занятъ? Но была полная тишина. Я завелъ взводъ въ густую чащу, поставивъ часовыхъ на ближайшей опушкѣ. Лошадей поставили морды къ мордамъ и одѣли торбы.

Я не зналъ еще навѣрняка, гдѣ мы, и пошелъ обходить лѣсъ, но скоро вернулся, увидѣвъ, что лѣсъ большой и, зная по картѣ, что другого большого лѣса, кромѣ Шиллингенскаго — не было. Кромѣ того, съ западной опушки видны были огни мѣстечка, — по всѣмъ вѣроятіямъ, Willunen.

Когда мы вернулись къ взводу, то почти всѣ люди, уставшіе и наволновавшіеся, уже спали, и я, закусивъ немного и выпивъ какой-то сладкой гадости, которой въ темнотѣ меня угостилъ одинъ

изъ драгунъ, — легъ спать, и заснулъ моментально и крѣпко.

Были еще утреннія сумерки, когда меня разбудилъ подчасокъ съ сѣверо-западной опушки, сообщивъ, что по дорогѣ, вдоль лѣса, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, проѣхалъ германскій офицеръ съ трубачемъ. Я пошелъ на постъ. Мои люди находились въ германскомъ окопѣ, оборудованномъ и замаскированномъ идеально еще въ мирное время. Впереди, въ верстѣ, было видно мѣстечко Willunen, а справа сзади большой хуторъ. Въ Willunen видно было, какъ люди большими командами водили лошадей на водопой. Отдѣльные люди бродили безъ оружія. Хуторъ вправо также былъ занятъ, и отъ него на востокъ часто ѣздили всадники. Мы находились между германскимъ сторожевымъ охраненіемъ и ихъ бивакомъ, но ближе къ биваку.

На юго-востокъ было видно лишь начало дороги Willunen — Eitkunen; продолженіе ея закрывалось возвышенностью. Необходимо было пройти лѣсъ и посмотреть, что дѣлается по ту сторону, т. е. съ юго-западной стороны.

Пройдя къ моему взводу и позвавъ Патрашкова, мы направились въ лѣсъ, стараясь выбраться на юго-западную опушку. Но съ этой опушки опять ничего не было видно изъ-за той же возвышенности, а идти по открытому полю было опасно. Невдалекѣ какой-то толстый старикъ наколачивалъ проволоку къ уже вбитымъ столбамъ.

Пройдя вдоль опушки, мы скоро нашли канаву и пошли по ней въ сторону возвышенности. Канавка кончалась большой ямой, съ кустами на борту. Мы влѣзли въ нее и стали смотрѣть. Въ

150-ти метрахъ отъ насъ проходила большая дорога Willunen — Eitkinen. Былъ виденъ городъ Willunen; справа тянулся проволочный заборъ отъ лѣса прямо къ намъ.

Не долго мы просидѣли спокойно.

По большой дорогѣ, мимо насъ, рысью прошелъ германскій эскадронъ, а черезъ нѣкоторое время изъ Willunen потянулась длинная колонна конницы, артиллеріи и пулеметы. Было интересно и страшно.

Нѣмцы были одѣты, въ шинеляхъ; все было новое, чистое и хорошо пригнано; совершенно наши юнкера.

Колонна стала проходить мимо насъ. Патрашковъ смотрѣлъ въ мой бинокль, прислонивъ къ краю ямы винтовку, а я записывалъ число проходившихъ эскадроновъ, орудій и пулеметовъ.

Вдругъ прямо надъ нашими головами раздался топотъ, и я съ ужасомъ увидѣлъ грудь и животъ лошади и ноги всадника, затѣмъ другого, третьяго, — всего пять человекъ. Они объѣзжали яму по самому краю, вдоль проволочнаго забора, и смотрѣли вправо, не видя насъ, причемъ первый громко крикнулъ надъ нами: «Rechts; hier ist Draht!»

Мы сидѣли окаменѣлые, я съ карандашемъ въ рукѣ, а Патрашковъ съ биноклемъ. Хороши бы мы были, если бы насъ увидали.

Написавъ скорѣе донесеніе, я быстро пробрался къ взводу. Тамъ было тревожно. Часовые доносили, что прошелъ мимо нихъ эскадронъ, спѣшившись противъ поста, и повелъ въ поводу на Willunen.

Передъ постомъ, въ направленіи на вче-